

УДК 321.01

А.И. Лысюк*д-р полит. наук, доц., проф. кафедры политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ИДЕИ ДОСТОЕВСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА**

В статье изучается степень интеграции политических идей Достоевского в современный политический процесс, прослеживается их связь с идеями современных русских консерваторов. При этом указывается как на их общность, так и различия, особенно относительно их попыток по своеобразному скрещиванию идей русского консерватизма и сталинского социализма. Подвергаются критике идеи социализма и либерализма, главным образом за их утилитарность, пренебрежение религией, «высшими смыслами» и душой человека. Раскрывается социально-психологическая природа идеологии и практики политического террора.

Введение

Несмотря на то, что жизнь и творчество Ф.М. Достоевского все больше уходят в глубь веков, его идеи не только не теряют своей актуальности, но и выступают в виде идеологического оружия целого ряда современных политических акторов, в особенности тех, кто предлагает государственной элите России взять на вооружение концепцию российского консерватизма, призванную стать национальной идеологией Российского государства. Как отмечает В.И. Добренев, «современное состояние ... российского общества можно со всей определенностью охарактеризовать как кризисное. Наиболее яркой чертой этого кризиса является утрата российским обществом направления своего исторического развития, смысла своего исторического существования, идейный вакуум, отсутствие социального идеала и видения стратегии развития» [1, с. 3]. В этих условиях «необходима новая общенациональная идея, идея единения всего общества, вокруг которой можно было бы объединить российское общество и в основе которой лежат традиционные для россиян качества: коллективизм, бескорыстие, стремление помочь ближнему, жертвенность, доверие, совесть, сострадание, патриотизм. Особая роль в возрождении России принадлежит религии... Это повлечет за собой мощный интегрирующий заряд, пробудит массовую энергию, будет способствовать обретению чувства достоинства и самоуважения» [2, с. 25].

В своих базовых формах концепция русского консерватизма основана на идеях российских славянофилов, к которым принадлежал и Достоевский. В системной и интегрированной форме эти идеи изложены в монографии В.Н. Ватыля [3, с. 157–198]. Следует, однако, отметить, что Достоевский, разделяя базовые постулаты славянофилов, в своем творчестве создал оригинальную политическую концепцию, выходящую за рамки славянофильства и, более того, по некоторым параметрам нацеленную против современных адептов этой идеологии, особенно относительно интеграции идей славянофильства и сталинизма. Кроме этого, в полной мере Достоевского можно отнести к тем мыслителям, которые разрабатывали концептуальные основы идеологии и психологии политического террора. Для этого он использовал образы «бесов» и «бесовщины», историческим прототипом которых послужили С. Нечаев, М. Петрашевский и «нечаевщина».

Некоторые исследователи справедливо подчеркивают, что «понимание Достоевским природы и сущности человека в норме и патологии привело писателя к гениальным формулировкам сути социализма и “русской идеи”» [4, с. 341], а именно к тому, что саму будущую социалистическую революцию он выводил не из доктрины классовой борьбы, а из возможных трансформаций души русского человека.

В концентрированной форме политические идеи Достоевского представлены в первую очередь в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» (образы «бесов» и антихриста – Великого инквизитора), а также в его дневнике и публицистических произведениях. Однако нельзя не согласиться с М.М. Бахтиным, утверждавшим, что всякое литературное произведение Достоевского «внутренне, имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками» [5, с. 181]. Разумеется, их социологический анализ позволяет выявить важные закономерности общественно-политической жизни. Использование Достоевским ряда политологических терминов (например, социализма, либерализма, капитализма и др.) далеко от современных трактовок, поэтому при обращении к ним обязателен их содержательный анализ.

Целью данной работы является анализ содержания интеграции его политических идей в современный политический процесс. Работа условно состоит из трех частей. В первой будут изложены политические взгляды, подходы, оценки, относительно которых наблюдается тождество позиций Достоевского и современных русских консерваторов. Во второй будет сделан акцент на различии их позиций, в третьей – на разработке идеологических и психологических основ как политического тоталитаризма, так и политического терроризма.

Достоевский и современный русский консерватизм: зоны симфонии

Первоначально следует назвать некоторую совокупность универсальных славянофильских идей, которые Достоевский воспроизводит в своих как художественных, так и публицистических произведениях и по поводу которых у него наблюдается идеологическое сродство с современными российскими консерваторами. Это, в первую очередь, провозглашение России страной, обладающей высокой духовностью и особой, чрезвычайно благородной социальной миссией, поскольку «в русском характере замечается ...резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности... У него инстинкт общечеловечности». В силу чего «великая наша Россия ...скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» во благо соединения «всего человечества новым, братским, всемирным союзом» [6, с. 38, 307].

Это и восприятие в качестве враждебной западной цивилизации, которая якобы уже вступила в фазу разрушения, отойдя (в отличие от России) от традиционных, главное, религиозных ценностей. При этом наиболее особые критические стрелы адресуются полякам, французам, немцам, католицизму и протестантизму за приверженность к секуляризации высших ценностей и церковных институтов.

Это и манифестация религиозного (православного) мировоззрения как духовной парадигмы, призванной очеловечить и возвысить окружающий социальный мир, поскольку, по его мнению, именно православие единственное из всех христианских конфессий слышит и следует голосу Христа – зову и императиву жертвенной любви. По этой причине предполагается усиление роли православной церкви при принятии государственных решений и организации общественной жизни. В случае же утраты религиозной веры, веры предков, русский народ, по его мнению, обречен на гибель. Да и возможные бунты в России начинаются именно с атеизма, что, собственно говоря, и подтвердила большевистская революция октября 1917 г.

Это и ориентация на спасение социального мира (не только западного) от буржуазности и меркантилизма («жидовства»), которые являются наиболее отчетливыми проявлениями человеческой узости, алчности и утилитарности.

Это и нацеленность на имперскость, на внешнюю экспансию, как духовную, так и территориальную: Москва должна стать не только «третьим Римом», гегемоном Европы, но и расширить свои границы на Восток, в Азию, для народов которой имя белого царя должно стать выше «ханов и эмиров, превыше индейской императрицы». И сделать это следует не в силу некоторой утилитарной необходимости, а по причине высших соображений: «Во имя чего же, во имя какого *нравственного* права могла бы искать Россия Константинополя?.. – пишет Достоевский. – А вот именно – как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, – роль, предназначенная ей еще с Ивана III... Это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющееся на Востоке ...и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия» [6, с. 180–181]. Очевидно, что в «эпоху Путина» претензии Российской Федерации на глобальное лидерство четко обозначились, несмотря на ограниченность экономических и культурных ресурсов.

Это и актуализации проблематики славянства и славянской солидарности, и, как частный пример этого, поддержка сербов в их противостоянии с Турцией, и все для того, чтобы «воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом». Подобная забота должна проявляться из чувства «материнского призвания», несмотря на убеждение об ожидаемой неблагодарности этих народов по отношению к России по причине их неискоренимого стремления приобщиться к европейским народам. «Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации... Все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами» [6, с. 366, 368]. Современная политическая практика свидетельствует о верности этой идеи, поскольку ориентации всех славянских народов Европы (единственным исключением является Беларусь), включая Сербию и Черногорию, на вступление в Евросоюз уже засвидетельствованы на самом высоком государственном уровне.

Это и провозглашение симфонии в отношениях между монархом и его народом в полном соответствии с уваровской формулой «Православие, самодержавие, народность», что является одним из источников величия России. Как отмечал Достоевский, «у нас в России и нет никакой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с царем своим, и из нее у нас все и исходит» [6, с. 424]. Современные российские консерваторы тоже являются сторонниками усиления политической автократии в стране.

Это и настаивание на оригинальном, чисто «русском», проекте организации политической жизни, отрицающей ценность либеральной демократия в качестве оптимальной формы правления, и убежденность в том, чтобы в русле географического детерминизма принимаемые в стране законы были укоренены в российскую почву, вывелись из традиций русского народа, а не заимствовались их «инородных» западных образцов.

Это и уверенность в том, что подлинная политика может быть только моральной политикой. В XXI в. этот тезис сохранил свое значение, выступив составной частью манифеста русского консерватизма: «Построение русского общества возможно в первую очередь на моральных основаниях, а затем уже – на юридических и экономических» [1, с. 23].

Это и негативное отношение к революционному (насильственному) преобразованию общества, но при позитивном отношении к использованию силы в международной политике.

Очевидно, что в той или иной степени эти идеи, пройдя, разумеется, масштабное переформатирование, интегрированы в современную политику РФ. Своеобразным политическим манифестом в этом отношении являются работы еще недавно декана социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессора В.Н. Добренькова о современном российском консерватизме, которые и будут рассмотрены в данной статье. Их эвристическая ценность выражается как в том, что автор стремится избежать политико-идеологических крайностей в русле А. Дугина и К^о, так и в его нацеленности навести прочные мосты современных российских политиков с идеологическим наследием славянофилов.

Достоевский и современный русский консерватизм: зоны какофонии

Выше уже отмечалось тождество позиций Достоевского и современных адептов русского консерватизма по ряду принципиальных позиций. Наряду с этим очевидно, что между ними существуют и не менее принципиальные расхождения.

Первоначально отметим, что если для Ф. Достоевского характерно принципиальное отрицание «красной идеи», идеи социализма, то для В.Н. Добренькова и его сторонников эта идея принципиально позитивна, в особенности в сталинском формате, и рассматривается как проявление и продолжение базовых постулатов консерватизма. Характерным в этом отношении является следующее его утверждение: «В период наиболее динамичного развития России – в сталинскую эпоху – уваровская формула и идеи русских консерваторов были реализованы, хотя и на иной основе. Вместо самодержавия была предложена абсолютная власть генерального секретаря... И.В. Сталина, вместо православия – коммунистическая идеология и советский патриотизм, вместо культа Святой Троицы – культ основоположников марксизма-ленинизма и И.В. Сталина, вместо культа православных святых – культ героев, совершивших ратные и трудовые подвиги во благо социалистического Отечества, вместо небесного рая – идеальное коммунистическое общество, вместо кодекса христианской этики – кодекс строителя коммунизма, вместо принципа народности – защита интересов трудового народа, трудящихся, единство власти и народа... Фактически был создан секулярный, светский вариант традиционной российской идеологии» [1, с. 13].

В этом отношении Достоевский был предтечей идей российских религиозных философов о несовместимости христианства и коммунистических идей. Он многократно высказывал негативное и предельно критическое отношение к социалистам различных направлений с четким обозначением исходящих от них социальных рисков по причине исповедующего ими атеизма и аморальности. Н. Бердяев справедливо отмечал: «Человек есть религиозное животное, и, когда он отрицает истинного, единого Бога, он создает себе ложных богов, идолов и кумиров, и поклоняется им... Особенно ненавидел Ленин попытки соединить христианство с социализмом» [7, с. 131]. Действительно, сами классики идеологии коммунизма и их последователи до недавних дней выступали не только как просто богоборцы, но даже как «воинствующие атеисты». Кроме этого, как подчеркивает Ю.Г. Кудрявцев, «Достоевский рассматривает социализм как элемент европеизма, как порождение в конечном счете буржуазности», а также он «сомневается в разумности самого разума социалистов», полагая, что «их разум ограничен, что социалисты “мыслью не орлы”, ибо упрощают человека. Ставят логику выше жизни, сводят человека к механике» [8, с. 94]. Все это приводит его к убеждению о невозможности на социалистических принципах обустроить разумный миропорядок.

Серьезное различие между Достоевским и современным русским национализмом наблюдается и по отношению к Европе. С точки зрения В.Н. Добренькова, «всему нашему обществу необходимо раскрыть глаза на то, что именно западный либерализм является нашим непримиримым врагом, ибо он ставит своей целью подчинение России Западу и уничтожение ее самостоятельности, суверенитета». Эта враждебность носит исторический характер. Он констатирует: «Запад ... всегда был, есть и будет враждебен России... Нашей стране необходимо сменить ориентиры, отвернуться от Запада и повернуться к Востоку и Югу» [1, с. 31, 52]. Отсюда неизбежность холодных, горячих, а теперь уже гибридных войн, к которым необходимо готовиться, укрепляя обороноспособность страны и дух патриотизма народа, что и происходит в современной РФ.

Для Достоевского же отношение к Европе скорее сострадательное, а не враждебное. Сострадательное в том смысле, что она воспринимается как кровнородственная русской душе, но только пораженная язвами либерализма, меркантилизма и материализма. «А между тем нам, – отмечает он, – от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же *всем* дорога, как Россия». Поэтому Достоевский предлагает Европе проект спасения, а не разрушения под сенью России, ибо, в его представлении, именно ей принадлежит «будущность Европы», где «уничтожатся все великие державы по весьма простой причине: они все будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих низших подданных» [6, с. 157, 256].

Выше уже отмечалось, что многие религиозные мыслители начала XX в. предостерегали русский народ от попыток обожествления и создания культа вождей будущей русской революции. В.Н. Добреньков же как раз на этом настаивает, полагая, что «в результате многовековой политики государственного патернализма в широких слоях российского общества сформировался устойчивый феномен «авторитарного характера». Авторитарный человек, с одной стороны, относится к власти как к сакральной ценности, всякое неповиновение которой есть смертельный грех, но с другой стороны – он относится так не ко всякой власти, но лишь к сильной, авторитарной» [2, с. 7]. Такой человек по своей природе отвергает все демократические проекты и запрограммирован на поиск и растворение в персоне авторитарного правителя. Поэтому, по мнению современных русских консерваторов, «наша страна ждет появления полновластного и авторитетного вождя, вокруг которого она могла бы объединиться и сплотиться. Мы – вождистская, патерналистская, авторитарно-патриархальная страна, и нам нужен строгий и справедливый вождь, отец нации... Граждане России ... воспринимают власть очень лично, доверяя не институту президентства как таковому, а конкретному человеку, на этом посту пребывающему (“помазаннику Божьему”» [1, с. 33]. В. Путин существенным образом соответствует этому ментальному запросу, поэтому оценки его деятельности находятся вне сферы прагматичных соображений, а взвешиваются на иных исторических весах: духовной миссии, личного доверия, Божественного Провидения, глобальной борьбы между добром и злом и т.п.

Кроме этого, современные русские консерваторы при всей пронародной риторике все-таки с большим скепсисом взирают на современного гражданина Российской Федерации, полагая, что он отошел от традиционных ценностей, а поэтому ответственность за нацию и государственное строительство возлагается на высшего правителя и небольшой слой его приближенных.

Достоевский исходит из другого принципа. Он ратует за всяческое «сближение с народом образованных классов», для чего «нужно: 1) распространить в народе грамотность... 2) облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок... 3) нужно несколько преобразоваться нравственно и нам самим. Нам

нужно отказаться от наших сословных предрассудков и эгоистических взглядов... Нужно полюбить народ, но любовью вовсе не кабинетною, но сентиментальною» [6, с. 83].

Посредством этого достигается пробуждение и освобождение лучших черт и жизненных сил народа. Поэтому «нужно открыть двери и для народа, дать свободный простор его свежим силам», до поры и времени скрываемым, закупоренным и пребывающим втуне. Как отмечает Достоевский, «в русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства... Судите народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает... А идеалы его сильны и святы; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» [6, с. 83, 143–144]. И все это потому, что больше всего на свете русский человек любит Христа и образ его.

Однако этому же человеку по природе своей свойственны и крайности. Про русского человека «рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие». Однако даже погруженный в греховную темноту, образно говоря, однажды, «в последний момент», «очнется Влас и возьмется за дело Божие» [6, с. 116]. Почему он это сделает, по какой причине и вследствие чего верх возьмет положительная крайность, Достоевский умалчивает. Мы же, зная историю большевистского переворота и его последствий, отдаем себе отчет в том, что глубочайшим заблуждением Достоевского была его уверенность в истинности и искренности любви русского народа к Христу и к православию. В реальности народ отдал предпочтение другим богам.

Достоевский и предчувствие тоталитаризма

Политические события XX–XXI вв. показывают, что описанная Достоевским политическая «бесовщина», по своей природе приводящая к тоталитарным практикам, оказалась не отвлеченным понятием, а масштабно утвердившейся практикой. Описание этого феномена получило широкое распространение в работах Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Е. Замятина и др., но первоначально оно было сформулировано в виде политического пророчества именно Достоевским.

В первую очередь, речь идет об утверждении и пропаганде (в ущерб демократическому) формата тоталитарного государства, исходящего из принципа иерархического централизма с диктатурой вождя, предполагающего создание общества тотального послушания и единомыслия, в котором все его члены должны не только «правильно мыслить и действовать», как того хочет высшая власть, но и искоренять любое «инакомыслие», контролируя мысли и действия других людей и, в случае обнаружения идейной либо практической крамолы, стремиться непременно, с помощью «высшего отчета», доносить об этом «наверх». Действительно, при всей тоталитарной риторике Великого инквизитора и «бесов» и их нацеленности на обустройство своеобразного «рая на земле» ими одновременно предполагается и своеобразная плата за это – полное подчинение народа деспотической диктатуре и воле высшего властителя при абсолютном бесправии людей и их превращении в толпу.

Какие же факторы могут обуславливать тренд к тоталитарности власти? Достоевский исходит из того, что в его основе находятся своеобразные «идолы духа», заложенные в душе самого человека и демонстрирующие его слабость перед искушениями и соблазнами. Во-первых, говоря современным языком, это своеобразное, глубоко залегаемое в душе человека чувство социального мазохизма, т.е. стремление склонить свою волю перед авторитарным правителем, поскольку, по убеждению Великого инквизито-

ра, «нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться» [9, с. 299]. Вызвано это чувство тем, что человек боится быть независимым и ответственным, ему изначально присуще «бегство от свободы» (Э. Фромм), и по большому счету никакая свобода ему не нужна, а скорее тягостна. Такому слабому человеку необходим внешний авторитет, берущий на себя всю ответственность за жизнь конкретного индивида и общества в целом.

Во-вторых, это создание совершенно искусственной для человека дилеммы «либо хлеб, либо свобода». Верховный инквизитор утверждал: «О, никогда, никогда без нас они не накормят себя. Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: “лучше поработите нас, но накормите нас”» [9, с. 298]. Речь идет о том, что человеку, в представлении антихриста, предпочтительнее «иметь», а не «быть», и он ориентирован на то, чтобы иметь «тихое, смиренное счастье». Искусственность и лживость этого высказывания проявляется в том, что это в реальности как раз наоборот: наиболее свободные страны являются одновременно и самыми экономически богатыми, создав общество «всеобщего благосостояния» (взять, например, отчеты ООН по индексу человеческого развития).

В-третьих, что это отказ от морального выбора в политике как со стороны властвующих, так и социальных «низов». «Бесовская» политика цинично пренебрегает нравственными принципами и оправдывает любые средства для достижения искомым политических целей. «Право на бесчестье», на «все позволено», на ложь и преступление провозглашаются одним из «бесов» П. Верховенским в качестве основополагающего принципа новой (социалистической) политической организации, поскольку эти «принципы» не только эффективны при достижении целей, но и выступают важным фактором группового единства, так как ничто так не объединяет людей, как «общий разделенный грех злодейства». Логично в этом контексте вспомнить известное ленинское высказывание о моральности всего, что служит делу коммунизма. Старец Зосима, говоря об инквизиторски мыслящих людях, утверждал, что они «мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом» [9, с. 375]. Что в реальности и случилось в социалистической практике. Но есть опасность и для современных демократических режимов, поскольку ценности постмодерна размывают нравственную составляющую политических процессов, в то время как для Достоевского обязательен моральный императив политики, который, в свою очередь, укоренен в религиозный.

В-четвертых, ключевым инструментом социальных преобразований в понимании «бесов» выступают насилие, сила, принуждение. Они активно используются для установления социального единства, единообразия мысли и поклонения вождю. Поэтому предлагается преследование инакомыслящих, сжигание их за идейную крамолу на кострах, всяческая поддержка доносительства и т.п. Более того, «бесы» исходят из целесообразности массового террора по отношению к жителям страны, поскольку, с их точки зрения, основная их масса уже неисправима, да историческое время не ждет. По утверждению П. Верховенского, «сто миллионов голов ...но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?» [10, с. 394]. По подсчетам историков университета Сорбонны, эти «сто миллионов» являются не отвлеченной метафорой, но как раз такое количество людей погибло в результате утверждения коммунистического рая на земле в планетарном масштабе.

В-пятых, для завоевания поддержки народ необходимо привлекать установлением идеала равенства: «все к одному знаменателю, полное равенство». Конечно, такая

идея была популярна в разные эпохи. Но при ее артикуляции «бесами» скрывается главное: обещается равенство в рабстве, поскольку организация общества предполагается «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятками. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть ...первобытной невинности» [10, с. 390]. Совсем как у Оруэлла: «все животные равны, но некоторые животные равнее других».

История отчетливо доказывает: всякая тоталитарная система основана на большой лжи, на активном и масштабном использовании инструментов манипуляции, мистификации и ложной идеологии. И антихрист, и «бесы» выступают в роли соблазнитель и творцов иллюзий. Сила и убедительность политической лжи должна привести к тому, что все в обществе, «в общем и согласном муравейнике» как будто счастливы, чувствуют себя свободными при полном отсутствии свободы.

Эта ориентация на ложь и соблазн отчетливо выступают в образе Великого инквизитора, который, заимствуя внешнее от христианской идеи и образа Христа, в реальности извращает их подлинность, что на практике приводит к противоположным результатам. Неслучайно в Священном Писании антихрист выступает в облике Отца лжи, рядящегося в одежды ангела света. Он эксплуатирует авторитет Христа и от его имени проводит общественные преобразования, исправляя и искажая его учение. При этом он лжет вполне сознательно, а людям предлагается жизнь в мире иллюзий, где своих поработителей люди должны воспринимать как благодетелей, все знающих, безгранично мудрых и заботливых, «ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их» [9, с. 304].

Для управления в тоталитарном государстве необходимы как высокое, смысловое, так и низкое, имеющее отношение к базовым материальным потребностям человека и утилитарности. Высокое выступает в псевдорелигиозном характере деятельности Великого инквизитора. Действительно, у него апелляция к высшим ценностям никаким образом не связана с самой сутью христианского вероучения, поскольку вместо истины артикулируется ложь, вместо любви – ненависть, вместо смирения – агрессия, вместо образа Христа – человеческие политические идолы, вместо жизни – смерть.

Низкое же выступает в виде ориентации на нравственное разложение народа и потому, что духовно разложенный народ более послушен и им легче управлять, и по той причине, что сам народ склонен прельщаться внешними (и материальными) соблазнами. Поэтому, согласно «бесам», «первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве... Но одно или два поколения разврата теперь необходимо, разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!» [10, с. 403, 406]. В более ограниченных масштабах эту идею поддерживает и антихрист, отмечая, что в создаваемой им социальной системе по причине слабости людей и стремления вызвать большую любовь к правящим снисходительно будет допущен и грех, но исключительно под государственным контролем, потому что в реальности греховно только то, что без разрешения, а разрешенное – все праведно и достойно.

В-шестых, это опасность политического культа личности, выступающего в самых разнообразных формах. Предчувствуя Фрейда и психоаналитиков, Достоевский указывает на то, что комплекс неполноценности человека способен породить безудержное стремление к сверхкомпенсации, жажду власти. Заявляя о высоком и претендуя на абсолютное доминирование, как говорил Алеша об инквизиторе, «их идеал ...самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения ...вроде будущего кре-

постного права, с тем, что они станут помещиками ... вот и все у них» [9, с. 307]. То есть создание системы, которую Н. Бердяев назвал Новым средневековьем.

Культ личности основывается на использовании очень эффективных методов политического управления. Как утверждает Великий инквизитор, «есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их же счастья, – эти силы: чудо, тайна, авторитет» [9, с. 301]. Все это предполагает претензии правящих на обладание высшим смыслом жизни, на распоряжение совестью и свободным духом подданных, на демонстрацию собственного всемогущества и всезнания, на искусственное создание политического авторитета, на окутывание властвующей персоны тайной, включая и тайну частной жизни, и, обязательно, на внушение людям страха.

В-седьмых, отметим также политико-психологическое описание в трудах Достоевского феномена политического террора, политически мотивированных убийств, существенным образом связанных с С. Нечаевым и нечаевщиной, но не сводящимся к ним и обладающих универсальным характером. Они нацелены на обличение не только «красного террора», но и любого другого, включая и основанный на религиозном фундаментализме.

Заключение

Очевидно, таким образом, что в творчестве Достоевского (преимущественно в романах «Бесы», «Братья Карамазовы» и политической публицистике) представлена широкая гамма оригинальных политических идей, обладающих пронзительно пророческим характером, предостерегающих от социальных соблазнов, дающих ответы на целый ряд актуальных современных политических проблем.

Некоторые из них основаны на базовых принципах славянофильства и вполне соответствуют парадигмам, заложенным в современном русском консерватизме. Другие же вступают в непосредственный конфликт с современными российскими славянофилами, особенно в попытках своеобразным образом скрестить идеи русского консерватизма и сталинского социализма. Кроме того, Достоевский атакует принципы консюмеризма, все более широко распространившиеся в современном мире, а также констатирует риски рождения различных социальных и личностных пороков, проистекающих из атеизма. Отметим также, что при всем уважении Достоевского к формату государственности он, в отличие от современных русских консерваторов, при исследовании политических процессов делает акцент на ее человеческом, а не институциональном измерении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добренков, В. И. Консерватизм – национальная идеология России / В. И. Добренков // Вестн. МГУ. – Сер. 18. Социол. и политол. – 2011. – № 2. – С. 3–53.
2. Добренков, В. И. Русский консерватизм как идеология возрождения и развития России / В. И. Добренков // Вестн. МГУ. – Сер. 18. Социол. и политол. – 2011 – № 1. – С. 5–26.
3. Ватыль, В. Н. Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса : монография / В. Н. Ватыль. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 279 с.
4. Грицанов, А. А. Достоевский / А. А. Грицанов, L. Ciccarelli // Новейший философский словарь. – Минск : Книжный дом, 2003. – С. 341–342.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

6. Достоевский, Ф. М. Политическое завещание : сб. статей за 1861–1881 гг. / Ф. М. Достоевский. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 480 с.
7. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
8. Кудрявцев, Ю. Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское) / Ю. Г. Кудрявцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 344 с.
9. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1982. – Т. 11. – 623 с.
10. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1982. – Т. 8. – 462 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.01.2016

Lysiuk A.I. Dostoyevsky's Ideas and Contemporary Politics

The extent of integration of Dostoyevsky's political ideas into the contemporary political process is studied in the article. Particularly, their link with the ideas of contemporary Russian conservatives is traced. By doing so, their commonness, as well as differences, especially concerning the attempts of the latter to cross-breed the ideas of Russian conservatism with Stalinist socialism is highlighted. The ideas of socialism and liberalism – mainly, for their utility and disdain of religion, «higher senses» and the human soul are criticized. The social and psychological nature of the political terror ideology and practice is showed.